
детектив - событие

Читайте детективы Евгении Михайловой, в которых истина и любовь побеждают всегда, несмотря на самые тяжелые испытания!

Сломанные крылья
Закат цвета индиго
Спасите наши души
Две причины жить
Апостолы судьбы
Последнее прости
Исповедь на краю
Танцовщица в луче смерти
Длиннее века, короче дня
Вечное сердце
Как свежи были розы в аду
Совсем как живая
Испить чашу до дна
Солнце в крови
Бегущая по огням
Темные тени нехорошей квартиры
Во мраке сверкающих звезд
Город сожженных кораблей
Женщина с глазами Мадонны
Мое условие судьбе
Разрушительная красота
Плата за капельку счастья
Встреча в час волка
Роль любимой женщины
Верность как спасение
Ночная радуга
Изменить одиночеству
Мужчина несбывшейся мечты
По осколкам разбитого зеркала
Струны черной души
Отпущение без грехов
Имитация страсти
Жизнь вопреки
Перевернутый мир
Вместо громких слов
Синдром Дездемоны
Окна в облаках
Всматриваясь в пропасть
Утешение изгоев
Разбитое небо
Без смягчающих обстоятельств
Жажда расплаты
Перевод с особого

Евгения Михайлова

БЕЗ СМЯГЧАЮЩИХ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Михайлова, Евгения.

М69 **Без смягчающих обстоятельств : сборник рассказов / Евгения Михайлова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Детектив-событие).**

ISBN 978-5-04-207744-9

Валентина Гринева перенесла сложную операцию и нуждается в заботе и уходе, но она живет в ужасных условиях. Почему, ведь Валентина — единственная дочь и наследница знаменитого писателя. Узнав правду, оперировавший ее доктор Веригин может спасти сразу несколько жизней...

Ева считала себя самой обычной девушкой, пока не познакомилась с Митяем. Богатый бездельник и бедная тусовщица оказались родственными душами и стали деловыми партнерами. Их бизнес фее-рически успешен, но многим это не нравится...

К известной актрисе Регине обращается зоозащитница с просьбой забрать брошенную собаку. Спасая ее, Регина понимает, что с хоз-яином случилась беда, и занимается для поисков пропавшего частного детектива Сергея Кольцова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207744-9

© Михайлова Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Все персонажи и события новелл вымышленные.
Любые совпадения с реальными фактами случайны.

ДОБРЫЙ ДОКТОР

Коллеги и пациенты относились к нему не просто по-разному. Мнения и выводы были противоположными. В одном сходились абсолютно все, кто знал доктора Артема Веригина: этот человек не имеет отношения к устоявшимся стереотипам, догмам, представлениям и даже принятым большинством нормам морали. Из всех «за» и «против», восторгов и протестов, неприятия и пылкового поклонения вытекал один вывод: Веригин — необыкновенный человек. Это может значить, что он лучше многих. Это может значить, что он хуже всех по какому-то тайному набору качеств, о котором особо подозрительные люди могут только догадываться. Ясно лишь, что Артем не есть средний, обычный и, стало быть, понятный человек.

— А непонятный — это опасный, — изрекала заместитель главврача Антонина Ивановна в своей категоричной манере властного и не знающего сомнений командира.

Евгения Михайлова

Женщины за все время работы Артема в клинике — а это уже три года — так и не смогли оценить и сформулировать степень его привлекательности по устоявшимся критериям. И тут все было так и не так. По документам Веригину сорок два года. А выглядит он моложе, даже трудно сказать, на сколько лет. Все дело в лице. Оно иногда кажется вообще мальчишеским: правильный овал с аккуратными чертами и небольшими серыми глазами, которые смотрят на всех прямо и доверчиво. Чаще всего их взгляд бывает ласковым, утешающим, ободряющим, что далеко не все считают нормальным. И вдруг взгляд твердеет, холодеет, как скальпель, который уже проник под чью-то несчастную кожу перед тем, как его обладатель рассмотрит, что там такое есть внутри. А это уже почти страшно.

У Артема Веригина в больнице был особый, совершенно уникальный статус, который, конечно, определял его отношения с людьми. Он формально значился хирургом, но на самом деле являлся фактическим владельцем клиники, которая с его появлением из захудалой государственной в дальнем и бедном поселке Подмосковья перешла в разряд частной с одной особенностью: большинство пациентов лечились бесплатно. С таким предложением пришел в админи-

страцию поселка Артем Веригин, сын известного академика Веригина, после смерти отца. Артем захотел стать единственным инвестором больницы. Все свое наследство он предложил вложить в развитие клиники, внедрение новых методик, приобретение современного оборудования. Он также взял на себя формальное решение вопроса на всех бюрократических уровнях. Имя отца открывало все двери: академика знали и уважали очень многие. От должности главврача Артем отказался, им остался прежний — молчаливый, всегда удрученный беспощадностью неразрешимых проблем, не очень здоровый Иван Петрович, который проработал здесь не меньше сорока лет.

Отношения Артема с коллегами внешне были замечательными; с ним трудно вступить в конфликт при всем желании и при любом характере. Он сам — неизменно добродушный, естественный, в меру разговорчивый, готовый выслушать и помочь. Но откровенную, видимую дистанцию, которая отделяла его от всех и каждого, он не пытался преодолевать. Когда его привлекали к обсуждению чужих личных проблем, он вникал с готовностью и интересом. Его мнение и советы были, возможно, не всегда полезными, но непременно познавательными, необычными, давали повод подумать. Но никто ничего не знал

Евгения Михайлова

о личной жизни Веригина. Он был не то чтобы скрытым — просто умело, изобретательно и даже забавно уходил от любых разговоров о себе. Женщины в больнице сумели узнать только то, что он «сейчас не женат». Мужчины, даже Иван Петрович, постоянно обращались к Веригину за помощью, советами, и не только по профессиональным вопросам (у Артема же такие связи...). Говорить с ним было просто и приятно. Но ничего похожего на дружбу ни с кем у него так и не появилось. Вскоре все смирились с тем, что Артем — одиночка без надежд на перемены. У этого было и реальное, логическое объяснение: Веригин жил с наукой. В ней для него не было неизвестных мест и лишних знаний. В своей работе он не ограничивался хирургией. Веригин мог оказать своему пациенту любую помощь. Он замечал угрожающий инфаркт, ранние признаки заболевания легких, депрессию и даже мог вылечить больной зуб без помощи стоматолога. В его маленьком кабинете как-то помещались любые приборы и материалы. В клинике небольшой штат, и главврач с Артемом решили, что увеличивать его новыми специалистами не стоит. Они справляются.

Это было в чем-то завораживающее зрелище. По узкому коридору с низким потолком торопливо про-

ходят, пробегают врачи и сестры. И вдруг появляется очень высокая фигура человека, над медицинской маской которого по-детски ласково и смущенно сияют серые глаза. Он сутулится, жмется к стене, чтобы стать меньше и никого не задеть. Он никогда не спешит. Он всем приветливо кивает, но никого не выделяет и не задерживает. И все видят поверх его хирургического халата прозрачный плащ одиночества, которое не беда, а, наоборот, комфорт.

Зрелище-то, конечно, теплое и приятное. Оно становится еще более милым, если проследовать за доктором в палаты во время обхода пациентов. У Веригина необычная, странная и трогательная манера общаться с больными. Он разговаривает со страдающими взрослыми людьми, как нежная мамка или нянька. «Так не больно? Ничего, сейчас пройдет. Это плохой доктор сделал маленький укольчик. Вдохните глубоко и свободно, смотрите на этот экран: там всегда море и всегда разное. Ну вот. Какая умница», — так тихо бормочет Артем и грузному угрюмому мужчине, и нервной даме, и робкой старушке. А с детьми иногда затевает серьезную философскую беседу на равных.

Но то, что для постороннего наблюдателя остается за кадром, далеко от идиллии.

Евгения Михайлова

— Ох, он такой... — почти всхлипнула от восторга юная санитарка Аллочка. — Я просто балдею от него. Все больные от него тащатся.

— Как же надоел этот цирк. Это вечное комедиантство, по сути, издевательство над больными людьми, которых он заставляет верить в сказки, — морщится Антонина Ивановна. — Он выходит из палаты, а они начинают ждать, что через пять минут смогут вылететь из больницы и порхать, как бабочки на лугу. А потом понимают, что ничего не произошло, стало только хуже, и тогда ноют, кланчат или воруют антидепрессанты.

— Это неправда, — сурово замечает кардиолог Валерий. — Веригин никогда не приукрашивает положение больного, не скрывает ни тяжести лечения, ни рисков. У него просто мягкая манера подавать самые жесткие вещи. Кому это мешает? Вы просто сплетницы.

— Ой-ой-ой, — насмешливо произносит Марина, хирург-стажер. — А судьи кто? Валере просто удобно, что Веригин берется за его инфаркты, когда ему самому надо бежать на три свидания сразу. Что касается мягкости и жесткости, то тут я согласна. Артем — тот человек, который спокойно вынесет больному смертный приговор, погладит лобик и мягко придушит его своими ласковыми руками.

— Ты свихнулась? — изумленно спросил у нее Валерий.

— Я же фигурально, — немного испуганно объяснила Марина. — Но он на самом деле похож на маньяка из триллера.

— Я такой бред редко смотрю, — заявила Антонина Ивановна. — Но по тому, что видела, — да, похож.

— Да вы сами все больные маньячки! — выпалила Аллочка и выбежала из ординаторской с горящими щеками и дрожащими губами.

...В тот день Марина быстро вышла из операционной, на ходу срывая маску и открывая красное воспаленное лицо. Ее глаза плавились от гнева и ненависти. Операция началась десять минут назад. Марина влетела в ординаторскую, и все, кто был в ней и поблизости, услышали ее высокий голос, почти крик:

— Да что он себе позволяет, этот самовлюбленный хам! Он корчит тут из себя императора. Рабовладельца! Я несколько дней готовилась к этой операции, когда он выбрал меня ассистентом. Читала историю, все проверяла, рассчитывала. Там сложный перелом шейки бедра уже после операции в другой больнице. То есть больной оперировали такой перелом, накосячили, она опять упала и все на фиг сломала, теперь

Евгения Михайлова

кошмар. Такой тяжелый случай, и еще других болезней целый букет...

— Да что случилось, Марина? — не выдержала терапевт Светлана. — Почему ты здесь? О том, что это сложный случай, все в курсе.

— Да нипочему! — взвизгнула Марина. — В tomto и дело! Мы только начали, больной ввели наркоз, я поправляла фиксацию. Анестезия еще не окончательно подействовала, пациентка заорала. Она вообще немного психопатка... А Веригин, даже не повернувшись ко мне, говорит: «Марина Николаевна, покиньте, пожалуйста, операционную. Я справлюсь сам». Главное, так издевательски: «пожалуйста». Я начинаю объяснять, он — ноль внимания. Только еще раз сказал: «Выйдите сейчас же. Вы меня задерживаете, пациентка реагирует, тревожится». Я начала извиняться, а он вдруг поворачивается и говорит тихо, но так, что мороз по коже: «Убирайся. Быстро».

— Да-а-а, — задумчиво протянула Светлана. — Круто.

В ординаторской уже были все, кто свободен или мимо проходил. Но тему больше никто не поддержал. Марина тоже замолчала и напряженно фиксировала выражения лиц сослуживцев. Она все замечала, она

все запомнит. И тех, кто старательно отвернулся, спрятал взгляд. И тех, в чьих глазах мелькнуло сочувствие. И, главное — тех, кто не прятал свое сомнение, неодобрение и даже осуждение: все это относилось к ней. Его они не судили!

— Да ладно, — презрительно произнесла Марина. — С вами все ясно. Вы товар, он — купец. Он ласково улыбнется всем за то, что вы тряпки, о которые он в любой момент может вытереть обувь.

...Валентина с трудом подняла тяжелые веки. Ее окружает и покачивает на своих волнах туман. Она напрягает зрение, чтобы рассмотреть, где оказалась. Маленькая комната, бежевые стены, лампа в белом плафоне на потолке, за квадратным окном с белой занавеской серо-розовый воздух: то ли начало сумерек, то ли рассвет.

— Проснулась? — слышит Валентина мягкий мужской голос и поворачивает голову на звук.

Человек в голубой шапочке хирурга, который склонился над ней, показался великаном. Он опустил маску под подбородок, улыбнулся и продолжил:

— Умница. Просто героиня. Мы сделали операцию, даже не скажу, сколько часов боролись. Еще поболит, конечно. И не скоро пройдет. Но самая тяжелая боль, твоя большая мука, — это ушло, будем надеяться, со-